Даниил Сергеевич Каргальсков
юрист, *Wooden Fish Agency Limited*,
магистр юриспруденции (МГИМО)

Взыскание прибыли, полученной правонарушителем: голландский подход и одно определение Верховного Суда РФ

В статье анализируется известный праву Нидерландов институт взыскания прибыли, полученной в результате нарушения субъективного гражданского права, в сравнении с его ближайшим российским аналогом (абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ), который почти дословно был заимствован российским правопорядком именно из права Нидерландов. Цель статьи заключается в том, чтобы, исходя из позитивного и негативного опыта нидерландского правопорядка, сформулировать рекомендации по совершенствованию российского законодательства и судебной практики, которым еще только предстоит ответить на многие вопросы, возникающие в связи с применением указанного института. Статья состоит из двух частей. В первой части рассматриваются основные этапы становления исследуемого института в праве Нидерландов (включая кодификацию на уровне законодательства и развитие в судебной практике), выявляется противоречие между политико-правовым замыслом, стоящим за кодификацией данного института, и его догматическим оформлением, делается вывод о наличии аналогичного противоречия в российском праве и приводится возможный способ его разрешения (кодификация рассматриваемого способа защиты прав как одного из институтов права неосновательного обогащения). Во второй части статьи проводится анализ недавнего определения Верховного Суда РФ, в котором впервые в практике российских высших судов был поставлен вопрос о взыскании неправомерно полученных доходов. Исходя из результатов анализа нидерландского права, рассматриваются возможные способы разрешения проблем, затронутых указанным решением: 1) реализация судами «сверхкомпенсационной» идеи, стоящей за абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ, вопреки возникающим в результате этого догматическим противоречиям; 2) кодификация абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ в рамках такого института гражданского права, который будет в большей степени соответствовать природе рассматриваемого явления; 3) кодификация абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ в качестве самостоятельного средства защиты — иска об истребовании неправомерно полученных доходов.

Ключевые слова: взыскание неправомерно полученной прибыли, неосновательное обогащение, disgorgement of profits, абстрактные убытки, Нидерланды

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:18:07

Daniil Kargalskov
Legal Counsel at *Wooden Fish Agency Limited*, Master of Law (MGIMO)

Recovery of Profits Received by the Offender: the Dutch Approach and One Ruling of the Supreme Court of Russia

This article is devoted to the legal analysis of disgorgement of profits under Dutch law in comparison with its closest Russian counterpart (art. 15(2) of Russian Civil Code) which is essentially a verbatim adoption of the Dutch law provisions on disgorgement of profits. The purpose of the article is to form certain recommendations on the improvement of Russian legislation and judicial practice based on the conclusions to be drawn from the development of disgorgement of profits under Dutch law, given that many questions arising regarding the application of disgorgement of profits have not yet been addressed by Russian law.

The article consists of two parts. The first part addresses the main development stages of disgorgement of profits under Dutch law (including its adoption as legislation and development in court practice) revealing the existing contradiction between the policy considerations behind the disgorgement of profits and the way it has been codified by the positive law. Furthermore, the author concludes that the same contradiction exists under Russian law as well and addresses possible solutions for resolving the contradiction (codification of disgorgement of profits as part of unjust enrichment law given there are all necessary preconditions for that in Russian law). The second part of the article is concerned with legal analysis of the recent Russian Supreme Court ruling wherein the disgorgement of profits was for the first time brought to the attention of the Russian higher judicial bodies. Based on the conclusions made congruent to prior analysis of Dutch law, the author addresses possible solutions to legal issues arising in connection with the ruling in question. Such solutions can be: 1) implementation of the policy idea of overcompensation behind disgorgement of profits notwithstanding the dogmatic contradictions; 2) codification of art. 15(2) of Russian Civil Code under a legal doctrine which is more capable of reflecting the nature of disgorgement of profits; 3) codification of art. 15(2) of Russian Civil Code as a standalone legal remedy — the right to demand and obtain the unlawfully gained profits.

Keywords: disgorgement of profits, winstafdracht, unjust enrichment, abstract damages, Netherlands

Введение

Помимо привычных способов исчисления убытков (конкретные и абстрактные убытки), в российском праве существует и не вполне традиционный способ исчисления одного из видов убытков — упущенной выгоды. Согласно абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ упущенная выгода потерпевшей стороны может быть исчислена в размере доходов, полученных нарушившей стороной: «Если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы».

Несмотря на то, что это положение существует в ГК РФ уже на протяжении более 20 лет и встречается в судебной практике[1], данный метод исчисления убытков ни разу не становился объектом тщательного анализа на уровне правовых позиций

[1] См., напр.: апелляционное определение Московского городского суда от 06.05.2014 по делу № 33-15866 (дело К. Собчак против ООО «Яуза-Пресс»).

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:18:07

высших судебных инстанций, хотя и упоминался в качестве одного из возможных способов исчисления упущенной выгоды[2].

В то же время аналогичный способ исчисления убытков хорошо известен праву Нидерландов. В частности, он предусмотрен в ст. 6:104[3] ГК Нидерландов (далее — ГКН). Помимо этого, он также удостоился развернутого анализа в нидерландской судебной практике и доктрине. Представляется, что опыт нидерландского правопорядка может быть полезен в контексте анализа этого способа исчисления убытков в рамках российского права[4], причем особенно он интересен с учетом того, что приведенная выше норма ГК РФ была со всей очевидностью заимствована именно из ГКН.

Целью настоящей статьи является рассмотрение голландского опыта применения данного института, а также компаративный анализ определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 23.01.2018 № 309-ЭС17-15659, в котором впервые в практике российских высших судов был поставлен вопрос о взыскании неправомерно полученных доходов.

Первая часть статьи посвящена анализу голландского права, вторая — разбору определения ВС РФ.

1. Голландский режим истребования неправомерных доходов

1.1. Кодификация

Положение об исчислении убытков исходя из выгоды, полученной нарушившей стороной, содержится в ГКН в общей части обязательственного права, посвященной взысканию убытков. Статья 6:104 ГКН гласит[5]: «Если лицо, которое несет ответственность перед другим лицом за причинение вреда или нарушение обязательства, получило вследствие этого доходы, то суд может по требованию такого другого лица оценить его убытки в размере таких доходов или их части».

Это положение появилось в гражданском праве Нидерландов в результате принятия в 1992 г. нового Гражданского кодекса[6]. Как следует из подготовительных

---

2 См.: п. 2 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7.

3 Используется общепринятый способ цитирования: первая цифра означает номер книги ГКН, после двоеточия указывается номер статьи соответствующей книги.

4 Примечательно, что нидерландские правоведы принимали непосредственное участие в деятельности рабочей группы по разработке проекта ГК РФ. Как раз к моменту начала работы над ГК РФ в Нидерландах уже была принята бóльшая часть нового Гражданского кодекса и накоплен ценный кодификационный опыт. В результате в ГК РФ нашли отклик отдельные подходы гражданского права Нидерландов (см.: *Маковский А.Л.* О кодификации гражданского права (1922–2006). М., 2010).

5 Перевод (с некоторыми изменениями) приводится по: Гражданский кодекс Нидерландов. Книги 2, 3, 5, 6 и 7 / пер. М. Ферштман; отв. ред. Ф.Й.М. Фельдбрюгге. 2-е изд. Лейден, 2000.

6 См.: *Dam O.R.M., van.* Winstafgifte of schadebegroting? // Nederlands Tijdschrift voor Burgerlijk Recht. 1992. No. 6. P. 184.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:18:07

материалов проекта ГКН, идея, заложенная в ст. 6:104, была заимствована законодателем из права интеллектуальной собственности (ст. 43 Патентного закона, ст. 27а Закона о защите прав автора). Перечисленные нормы позволяют правообладателю, помимо убытков, взыскать с нарушителя исключительных прав денежную компенсацию в размере прибыли, полученной им в результате нарушения[7]. В связи с тем, что взыскание компенсации сверх убытков приводит к сверхкомпенсации, в ходе принятия ГКН обсуждался вопрос о том, насколько уместна кодификация ст. 6:104 именно в рамках института возмещения убытков[8]. Проблема заключалась в том, что такая сверхкомпенсация не укладывается в догматические рамки института возмещения убытков, поскольку в результате возмещения убытков потерпевшая сторона не должна оказаться в более благоприятном положении по сравнению с тем, в котором она бы оказалась, если бы нарушения и вовсе не было[9]. Таким образом, для правильного определения правовой природы ст. 6:104 ГКН сначала необходимо было установить, какое политико-правовое решение лежит в основе данной нормы, — возмещение убытков или взыскание неправомерно полученной прибыли независимо от размера убытков пострадавшей стороны.

Как известно, содержание правового регулирования предопределяется теми ценностями (нормообразующими факторами), исходя из которых, по мнению законодателя, должны строиться те или иные общественные отношения[10]. Концептуально политико-правовое решение данного вопроса сводится к выбору одной из двух моделей регулирования — укрепление устойчивости гражданско-правового оборота и пресечение «эффективных нарушений» (*efficient breach*) либо поощрение оппортунистического поведения в погоне за Парето-эффективностью[11]. Как следует из подготовительных материалов проекта ГКН, идея, изначально заложенная в ст. 6:104 ГКН, принадлежит к первой из указанных моделей. В частности, разработчики проекта ГКН отмечают, что данная норма призвана предотвратить возможность обогащения одной стороны за счет совершения неправомерных действий по отношению к другой стороне[12]. В связи с этим ими приводятся следующие примеры, в которых должна применяться ст. 6:104 ГКН: 1) извлечение прибыли от использования чужой вещи без согласия собственника; 2) получение издательством желтой прессы прибыли от публикации в печатном издании недостоверных и порочащих сведений; 3) извлечение прибыли в результате недобросовестной конкуренции[13].

---

7 Похожее положение предусмотрено ГК РФ: право правообладателя требовать вместо возмещения убытков выплаты компенсации в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров произведения (ст. 1301).

8 См.: *Dam O.R.M., van*. Op. cit.

9 В связи с этим примечательна формулировка абз. 2 ч. 2 ст. 15 ГК РФ, согласно которой лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения упущенной выгоды «в размере *не меньшем* (курсив наш. — *Д.К.*), чем такие доходы».

10 См.: *Карапетов А.Г.* Политика и догматика гражданского права: исторический очерк // Вестник ВАС РФ. 2010. № 5. С. 6–56; *Асосков А.В.* Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 12–15.

11 См.: *Карапетов А.Г.* Экономический анализ права. М., 2016. С. 357–401.

12 См.: *Mol I.C.K.* Onderverhuur // Handboek Huurrecht Bedrijfsruimte. Deventer, 2013. Para. 2.9.

13 См.: *Dam O.R.M., van*. Op. cit. P. 185–186.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:18:07

После продолжительных обсуждений ст. 6:104 ГКН была все же кодифицирована в рамках института возмещения убытков. Как отмечается в литературе, такое законодательное решение влечет за собой отступление от изначально заложенной идеи (лишение нарушившей стороны неправомерно извлеченной прибыли). Кодификация ст. 6:104 ГКН именно в рамках института возмещения убытков приводит к ограничению размера взыскиваемой прибыли размером убытков пострадавшей стороны, что позволяет нарушившей стороне извлекать прибыль из своего неправомерного поведения, поскольку размер такой прибыли превышает размер присуждаемых убытков[14].

Несмотря на то, что ст. 6:104 появилась в ГКН только в 1992 г., по мнению Верховного суда Нидерландов (*De Hoge Raad der Nederlanden*), возможность применения предусмотренного данной нормой способа исчисления убытков существовала и до ее появления непосредственно в тексте ГКН.

Например, в решении по делу *Waeyen-Scheers v. Naus* Верховный суд указал, что, независимо от кодификации данного способа исчисления убытков в позитивном праве, он в любом случае может применяться в качестве непоименованного абстрактного метода исчисления убытков, когда из обстоятельств дела следует, что потерпевшая сторона могла бы получить такую же прибыль (или хотя бы ее часть), что и нарушившая сторона[15]. В этом деле аудиторская фирма пыталась взыскать со своего бывшего работника убытки в размере прибыли, полученной им в результате оказания аудиторских услуг в обход компании-работодателя, что было запрещено трудовым договором. Верховный суд отклонил иск компании, указав, что работник оказывал услуги лицам, которые не входят в целевую аудиторию фирмы, а значит, они могли никогда не стать клиентами компании и, как следствие, компания не получила бы прибыль (или ее часть), которую получил работник компании.

В этом же деле Верховный суд проанализировал подготовительные материалы проекта ГКН и сформулировал первые правовые позиции относительно применения ст. 6:104 ГКН. Так, суд указал, что эта норма:

1) представляет собой частный случай расчета убытков абстрактным методом, а не самостоятельный (в материальном смысле) иск об истребовании неправомерно полученной прибыли;

2) применяется только в том случае, когда упущенная выгода пострадавшего соответствует прибыли (или части прибыли) нарушителя;

3) применяется в качестве субсидиарного способа исчисления убытков, когда потерпевшая сторона испытывает трудности с доказыванием размера своих убытков иными способами;

4) не применяется, если ответчик докажет, что потерпевшая сторона вовсе не понесла никаких убытков.

---

[14] См.: *Linssen J.G.A.* Voordeelsafgifte en ongerechtvaardigde verrijking: Een rechtsvergelijkende beschouwing. Den Haag, 2001. P. 485–486.

[15] HR 24 December 1993. NJ 1995, 421.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:18:07

Как следует из вышеуказанного подхода, размер возмещения по ст. 6:104 ГКН укладывается в строгие рамки института возмещения убытков и лежащего в его основе принципа компенсации. Однако поскольку в действительности прибыль нарушившей стороны довольно редко является репрезентативной в отношении убытков пострадавшей стороны, эта статья долгое время на практике применялась нечасто[16].

1.2. Новый этап развития ст. 6:104 ГКН

Новый этап развития исследуемой нормы ознаменовался принятием Верховным судом Нидерландов в 2010 г. двух решений, в которых суд сформировал более гибкий подход к применению ст. 6:104 ГКН, частично отказавшись от правовых позиций, изложенных ранее в решении по делу *Waeyen-Scheers v. Naus*. В результате ст. 6:104 ГКН утратила форму абстрактного метода исчисления убытков и приобрела некоторые черты «карательной» санкции. Одно из дел (*Setel NV v. AVR Holding NV*) касалось иска из недобросовестной конкуренции на рынке услуг телефонной связи[17], другое (*Huurder v. Stichting Ymere*) — иска арендодателя к арендатору из нарушения запрета субаренды жилого помещения[18].

1.2.1. Дело Setel NV v. AVR Holding NV

Истец является компанией, предоставляющей услуги мобильной связи на территории Кюрасао. Ответчик предоставляет услуги как мобильной, так и городской (стационарной) связи и является единственным конкурентом истца. Согласно местному законодательству компании должны обеспечить клиентам возможность межсетевых звонков. За каждый межсетевой звонок, который заканчивается в сетях одного из операторов, ему положено возмещение от другого оператора. Для компенсации своих расходов на возмещение ответчик, вопреки местному законодательству в одностороннем порядке повысил абонентские тарифы на межсетевые звонки. В результате абоненты ответчика стали совершать меньше звонков в сети истца, уменьшился объем получаемого истцом возмещения по межсетевым звонкам. Кроме того, у истца снизился ежемесячный прирост новых абонентов, прежние абоненты стали переходить к конкуренту, компания несла репутационные потери. Истец требовал взыскать с ответчика убытки на основании ст. 6:104 ГКН[19] в размере прибыли, полученной ответчиком от повышения тарифов (около 1,5 млн евро)[20].

В данном деле суд впервые отклонился от сформированного ранее подхода к применению ст. 6:104 ГКН. В частности, он не стал рассчитывать убытки истца тра-

---

16 См.: *Deurvorst T.E.* Winstafdracht: einde aan slapend bestaan van artikel 6:104 BW // Vermogensrechtelijke Analyses. 2010. P. 57.

17 HR 18 Juni 2010. ECLI:NL:HR:2010:BL9662, NJ 2015/33.

18 HR 18 Juni 2010. ECLI:NL:HR:2010:BM0893, NJ 2015/32.

19 На территории Нидерландских Антильских островов действует Гражданский кодекс, который в данной части дословно повторяет текст ст. 6:104 ГКН.

20 Сумма рассчитана исходя из количества минут по межсетевым звонкам, в отношении которых применялся повышенный тариф.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:18:07

диционными методами, исходя из анализа сведений об изменении экономических показателей сторон, хотя такая возможность объективно имелась[21]. Вместо этого суд сразу же применил ст. 6:104 ГКН вопреки ранее намеченному в практике ее субсидиарному характеру по отношению к другим методам расчета убытков.

В связи с тем, что в данном деле предприятие ответчика в целом не получило никакой прибыли (выгода от повышения тарифов была направлена на покрытие расходов, связанных с возмещением по межсетевым звонкам), суду пришлось истолковать используемое в ст. 6:104 ГКН понятие «прибыль» расширительно. Суд указал, что под прибылью необходимо понимать любую полученную нарушившей стороной выгоду за вычетом расходов, которые напрямую связаны с ее получением, независимо от того, представляет ли собой данная выгода прибыль для предприятия ответчика в целом[22].

Далее суд решил отказаться от идеи о том, что ст. 6:104 ГКН является абстрактным методом исчисления убытков. Он указал, что для применения этой нормы не требуется доказывать, что потерпевшая сторона могла бы получить такую же прибыль (или ее часть), что и нарушившая сторона. Иными словами, прибыль, которую получила нарушившая сторона в результате нарушения, необязательно должна быть той самой прибылью (или ее частью), которую упустила потерпевшая сторона. Таким образом, *более не требуется наличие связи между упущенной выгодой потерпевшей стороны и прибылью, полученной нарушившей стороной*. Вместо этого, по мнению ВС Нидерландов, размер подлежащей взысканию прибыли должен определяться исходя из сформированного им же нового стандарта — «размер присуждаемой прибыли с высокой долей вероятности (*aanmerkelijk*) не должен превышать размер убытков потерпевшей стороны».

Кроме того, суд отметил, что использование термина «убытки» в ст. 6:104 ГКН не случайно. По его мнению, эта статья направлена на компенсацию не только упущенной выгоды, но и реального ущерба, хотя такой подход не всегда укладывается в рамки «абстракции», которая лежит в основе абстрактного метода исчисления убытков, в силу различной природы двух явлений: реального ущерба и выгоды, полученной нарушителем (в результате чего прибыль нарушившей стороны довольно редко является репрезентативной в отношении реального ущерба пострадавшей стороны)[23]. Напротив, важно лишь, чтобы размер присуждаемой прибыли с высокой долей вероятности не превышал размер убытков истца в целом (сумму упущенной выгоды и реального ущерба).

Помимо того что данный стандарт отклоняется от строгого следования принципу компенсации ввиду использования оценочной категории «с высокой долей вероятности», в литературе отмечается, что для его успешного применения на прак-

---

21 См.: *Deurvorst T.E.* Op. cit. P. 65–66.

22 Примечательно, что редакция абз. 2 ч. 2 ст. 15 ГК РФ оказалось в этом смысле более удачной, так как в ее тексте изначально используется термин «выгода», который в судебной практике трактуется как сумма полученного дохода за вычетом себестоимости (см.: постановление ФАС Центрального округа от 11.11.2003 № А35-1276/02-С11).

23 В связи с этим представляется более удачной формулировка абз. 2 ч. 2 ст. 15 ГК РФ, которая *expressis verbis* может применяться только для исчисления упущенной выгоды.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:18:07

тике предварительно необходимо каким-то образом установить подлинный размер убытков потерпевшей стороны, чтобы далее было возможно сопоставить его с размером полученной прибыли и выяснить, насколько размер прибыли ответчика превышает размер убытков истца[24]. Таким образом, этот стандарт в конечном счете возвращает суд к первоначальной точке — установлению размера убытков классическими методами исчисления. Тем не менее суд, как уже было отмечено, этого делать не стал, оценив размер убытков истца «по добру и справедливости» (*ex aequo et bono*)[25].

Как может показаться, подобный подход к применению ст. 6:104 ГКН мало чем отличается от ситуации, в которой бы суд изначально оценил размер убытков *ex aequo et bono*, не оглядываясь на прибыль, полученную ответчиком. Однако из дальнейших рассуждений суда следует, что привязка к прибыли нарушившей стороны не лишена смысла. Поскольку исчисление убытков *ex aequo et bono* имеет оценочный характер, верхний предел компенсации может варьироваться в большую или меньшую сторону в зависимости от усмотрения суда.

В связи с этим, по мнению Верховного суда, выбор большей или меньшей из оценок может быть поставлен в зависимость от степени вины нарушившей стороны. При достаточной степени вины суд может присудить в пользу потерпевшей стороны прибыль нарушившей стороны в полном объеме (вместо ее части), но в любом случае в пределах ранее сформированного судом стандарта — «размер присуждаемой прибыли с высокой долей вероятности (*aanmerkelijk*) не должен превышать размер убытков потерпевшей стороны».

Оценив размер убытков истца *ex aequo et bono* и руководствуясь указанным стандартом, суд снизил размер компенсации в рассматриваемом деле до 1,2 млн евро. Свое решение суд мотивировал тем, что часть убытков истца могла быть вызвана конъюнктурой рынка, а также пагубными действиями самого истца. Примечательно также, что суд при этом не стал вдаваться в детали причинно-следственных связей, чтобы как можно более точно установить размер убытков истца, которые были спровоцированы именно действиями ответчика.

Представляется, что подобный подход позволяет, по крайней мере частично, решить проблему «недокомпенсации»[26], поскольку суд может гибко подходить к оценке убытков, учитывая в их составе также и такие потери, которые в ином случае было бы сложно или даже невозможно доказать. Тем не менее этот подход

---

24 См.: *Deurvorst T.E.* Op. cit. P. 67.

25 Правовым основанием для исчисления убытков *ex aequo et bono* в Нидерландах выступает ст. 6:97 ГКН, которая гласит: «Если размер убытков не может быть точно определен, производится его приблизи-тельная оценка». Как следует из судебной практики, при исчислении убытков *ex aequo et bono* суд не связан стандартными требованиями к доказательствам и доказыванию (*stelplicht en bewijslast*) (см.: HR 31 Dezember 1993. ECLI:NL:HR:1993:ZC1214; HR 5 juni 2009, ECLI:NL:HR:2009:BH5410), однако должен мотивировать свое решение таким образом, чтобы сторонам, а также суду вышестоящей инстанции была понятна аргументация, положенная в основу его решения (см.: HR 13 Juli 2007. ECLI:NL:HR:2007:BA7215; *Lindenbergh S.D.* Commentaar op art. 6:97 BW // Groene Serie Schadevergoeding. 2017. P. 5–8).

26 См.: *Карапетов А.Г.* Экономический анализ права. С. 301–307.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:18:07

не в полной мере укладывается в строгие рамки института возмещения убытков, так как размер присуждаемой компенсации определяется в бóльшую сторону не потому, что таков вероятный размер потерь потерпевшей стороны (включая труднодоказуемые репутационные, имиджевые и иные потери), а потому, что нарушение было совершено с определенной степенью вины.

Помимо приведенных выводов, суд также указал, что степень вины нарушившей стороны необходимо учитывать и при определении объема выгоды, полученной ответчиком в результате нарушения. Так, в зависимости от степени вины нарушившей стороны суд может не уменьшать исчисленный им размер выгоды, полученной ответчиком в результате нарушения, делая поправку на те или иные расходы, направленные на ее получение. Иными словами, суд при исчислении подлежащей взысканию «прибыли» по ст. 6:104 ГКН может исходить из ее валового размера, т.е. до вычета из нее соответствующих расходов. По сути, такой подход к возмещению убытков приобретает некоторые черты «карательной» санкции, поскольку лишает нарушившую сторону не только выгоды, полученной в результате нарушения, но и средств к финансированию этих нарушений, так как расходы, направленные на получение прибыли от нарушений, ответчику придется покрывать из других источников. При этом важно, что такая возможность открывается перед судом не потому, что убытки потерпевшей стороны превышают полученную нарушившей стороной прибыль, а потому, что нарушение было совершено с определенной степенью вины.

1.2.2. Дело Huurder v. Stichting Ymere

Подходы, сформулированные судом в рассмотренном выше деле *Setel NV v. AVR Holding NV*, были подтверждены в деле *Huurder v. Stichting Ymere*.

Истец, фонд обеспечения граждан социальным жильем, при поддержке государства по пониженным тарифам сдает социальное жилье в аренду определенным категориям граждан в Амстердаме, выполняя функцию обеспечения граждан жилой площадью (*public housing*). В нарушение договора аренды с этим фондом ответчик на протяжении более трех лет сдавал свое жилье в субаренду третьим лицам, получая от этого прибыль в размере 345 евро в месяц (после вычета арендной платы и коммунальных расходов), итого 13 800 евро за весь период. Истец требовал расторгнуть договор и взыскать с ответчика убытки на основании ст. 6:104 ГКН в размере полученной ответчиком прибыли. Помимо упущенной выгоды, в составе убытков истцом были заявлены реальный ущерб в виде расходов на содержание специального надзорного подразделения внутри компании, которое занимается выявлением случаев неправомерной субаренды, а также издержки, связанные с заключением договора с новым арендатором.

Суды нижестоящих инстанций разрешили спор в соответствии с подходом, изложенным Верховным судом в деле *Waeyen-Scheers v. Naus*. В частности, они отказались присуждать в пользу истца прибыль, полученную ответчиком, поскольку это привело бы к сверхкомпенсации. По мнению судов, истец, будучи фондом обеспечения граждан социальным жильем, не смог бы получить такую же прибыль, что и ответчик, потому что истец в силу своих уставных целей сдает социальное

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:18:07

жилье не по рыночным, а по социальным тарифам. Кроме того, суды указали, что ст. 6:104 ГКН применяется только в том случае, когда упущенная выгода истца не может быть установлена иным образом. В итоге упущенная выгода истца была оценена судами, исходя из арендной платы, которую истец мог бы действительно получить, если бы, узнав о первом нарушении, он бы расторг договор с ответчиком и заключил договор с новым арендатором. Основываясь на сведениях о росте цен на рынке социального жилья в период с момента первого нарушения, суды оценили упущенную выгоду истца в 5698 евро. Во взыскании реального ущерба суды отказали, так как истец не представил доказательств, подтверждающих заявленные расходы.

Верховный суд, напротив, удовлетворил требования истца в полном объеме. Суд указал, что в результате систематических нарушений запрета субаренды истец несет большие потери. Кроме того, систематические нарушения условий субаренды препятствуют достижению истцом своих уставных целей — обеспечения граждан доступным жильем. Как и в деле *Setel NV v. AVR Holding NV*, суд подтвердил, что размер присуждаемой прибыли по ст. 6:104 ГКН не должен обязательно количественно или качественно соответствовать упущенной выгоде пострадавшей стороны. Далее суд указал, что по ст. 6:104 ГКН может быть взыскана не только упущенная выгода, но и реальный ущерб, несмотря на отсутствие между ними какой-либо фактической корреляции в силу различной природы данных явлений. По мнению Верховного суда, нижестоящие суды должны позаботиться лишь о том, чтобы размер присуждаемой прибыли с высокой долей вероятности (*aanmerkelijk*) не превышал действительный размер убытков истца. В итоге размер компенсации, присужденной в пользу истца Верховным судом (13 800 евро), почти в два с половиной раза превысил размер упущенной выгоды, рассчитанный судами нижестоящих инстанций при помощи абстрактного метода (5698 евро). Таким образом, по оценке суда, основная сумма убытков истца приходится не на упущенную выгоду, а на реальный ущерб, который суд без видимых к тому оснований оценил в 8102 евро.

Как отмечается в литературе, такой подход к применению ст. 6:104 ГКН продиктован желанием не столько компенсировать потери истца, сколько пресечь систематические нарушения на рынке социального жилья путем лишения нарушившей стороны неправомерно полученных доходов (независимо от их количественного соответствия убыткам истца)[27]. Во-первых, часть убытков могла возникнуть по вине самого истца — в результате неэффективности его внутренней надзорной службы. Как следует из материалов дела, нарушение длилось около трех лет, на протяжении которых сотрудники истца проводили регулярные проверки арендуемого жилья и не выявили никаких нарушений. Во-вторых, расходы, которые несет истец в связи с систематическими нарушениями условий аренды, вероятнее всего, были компенсированы в результате их включения в действующие тарифы арендной платы. В-третьих, по некоторым оценкам, даже если к компенсации, присужденной нижестоящими судами, прибавить наиболее вероятный размер реального ущерба истца (во взыскании которого нижестоящие суды отказали ввиду отсутствия доказательств), размер компенсации, присужденной Верховным судом, все равно практически на 90% превысил бы реальный размер убытков истца.

---

[27] См.: *Deurvorst T.E.* Op. cit. P. 73–74.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:18:07

Таким образом, помимо того что в данном деле Верховный суд подтвердил выводы, сделанные в решении по делу *Setel NV v. AVR Holding NV*, оно примечательно тем, что суд воспользовался отсутствием у нового стандарта исчисления убытков четко определенных границ, что позволяет применять его для пресечения систематических нарушений за счет лишения нарушившей стороны прибыли, полученной в результате нарушения. Подобный подход, хотя и в большей степени соответствует изначальной идее, заложенной в ст. 6:104 ГКН, тем не менее не в полной мере укладывается в рамки принципа компенсации, лежащего в основе института возмещения убытков.

За рассмотренными выше решениями последовала судебная практика, ориентирующаяся уже на новый подход к применению ст. 6:104 ГКН. В частности, иски из ст. 6:104 ГКН получили распространение в сфере арендных отношений. В одном из дел истец требовал взыскать с ответчика прибыль, полученную им от нарушения запрета субаренды жилого помещения, которое ответчик сдавал через онлайн-платформу *Airbnb*[28]. О нарушении истец узнал, обнаружив рецензии постояльцев на этой платформе. Учитывая умышленные неоднократные нарушения, суд взыскал с ответчика доходы, полученные им от субаренды, практически в полном объеме, не снизив их размер на сумму по основной статье расходов — арендной плате, которую ответчик выплачивал в пользу истца по основному договору аренды. Другое дело касалось неправомерного использования арендованного жилья для выращивания растений каннабиса[29]. Данный факт был зафиксирован в составленном при изъятии растений полицейском рапорте. Истец требовал взыскать с арендатора доходы, полученные от реализации каннабиса, однако суд отклонил эти требования ввиду отсутствия доказательств совершения соответствующих сделок. В то же время каких-либо иных возражений против взыскания указанных доходов судом высказано не было.

1.3. Возмещение убытков и неосновательное обогащение

Как уже было отмечено, помещение ст. 6:104 ГКН в раздел, посвященный возмещению убытков, приводит к тому, что размер взыскиваемой прибыли нарушившей стороны не может слишком значительно выйти за рамки убытков пострадавшей стороны, в результате чего нарушившая сторона, несмотря на применение данной статьи, нередко сохраняет в той или иной степени возможность извлекать прибыль из своего неправомерного поведения. Тем не менее, как показывает решение Верховного суда по делу *Huurder v. Stichting Ymere*, применение ст. 6:104 ГКН на практике может приводить и к противоположному результату — к лишению нарушившей стороны неправомерно полученной ею прибыли за счет экстенсивного использования судом своих дискреционных полномочий в рамках установленного стандарта оценки убытков — «размер присуждаемой прибыли с высокой долей вероятности (*aanmerkelijk*) не должен превышать размер убытков потерпевшей стороны».

---

28 Gerechtshof Den Haag 15 Augustus 2017. ECLI:NL:GHDHA:2017:2197.

29 Rechtbank ‘s-Gravenhage 24 November 2010. ECLI:NL:RBSGR:2010:BP2204.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:18:07

Сложившаяся ситуация рассматривается в литературе как неудачная попытка реализации в гражданском праве Нидерландов изначальной идеи, из которой исходили разработчики при создании проекта ГКН, — идеи лишения нарушившей стороны неправомерно извлеченной прибыли (независимо от наличия и размера убытков потерпевшей стороны). Дело в том, что политико-правовой посыл, лежащий в основе данной идеи, не соответствует той догматической конструкции, в рамках которой она была реализована в гражданском праве Нидерландов[30].

В связи с этим предпринимаются попытки обосновать возможность реализации указанной идеи полностью или частично (в части полученной нарушившей стороной прибыли, превышающей убытки пострадавшей стороны, — *verarmingsoverstijgende verrijkingsafdracht*) в рамках иного института гражданского права, который будет в большей степени соответствовать природе данного явления. В частности, в нидерландской литературе основательная попытка осмысления его правовой природы была предпринята Я. Линссеном в рамках диссертационного исследования в Тилбургском университете[31]. Он относит ст. 6:104 ГКН к учению о неосновательном обогащении, имея в виду, что институт неосновательного обогащения лучше всего отражает суть рассматриваемого явления — лишение нарушившей стороны выгоды, которую она получила за чужой счет без достаточного к тому основания[32]. Центральный вопрос, который возникает в связи с этим, звучит так: основан ли институт неосновательного обогащения на принципе компенсации и допускает ли он взыскание прибыли нарушившей стороны в том случае, если потерпевшая сторона не понесла никаких убытков?[33]

Право неосновательного обогащения Нидерландов испытало влияние французской (романской) модели кондиции и вместе с этим восприняло соответствующие ограничения, которые данная модель накладывает на сферу применения кондикционного иска. В частности, французская модель кондиции предполагает так называемое двоякое ограничение (*double plafond*). Его суть заключается в том, что объем истребуемого по кондикционному иску не может превышать размер действительно имевшего место обогащения, т.е. прироста стоимости имущества ответчика, а также он не может превышать сумму, на которую уменьшилось имущество истца, т.е. денежную сумму, вышедшую из состава имущества последне-

---

30 См.: *Deurvorst T.E.* Op. cit. P. 75.

31 См.: *Linssen J.G.A.* Op. cit.

32 В российской юридической литературе механизм возмещения убытков, предусмотренный абз. 2 ч. 2 ст. 15 ГК РФ, зачастую также рассматривается в качестве института права неосновательного обогащения, а не права гражданско-правовой ответственности (см., напр.: *Байбак В.В.* Новая редакция ст. 393 ГК РФ: общие правила о возмещении убытков, причиненных нарушением обязательства // Закон. 2016. № 8. С. 121–130; *Карапетов А.Г.* Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 11. С. 24–80; № 12. С. 24–73).

33 Примером указанной ситуации может служить фабула получившего известность дела «Грэйт Оникс Кейв» (Edward v. Lee's Administrator, 96 South Western Reporter (2d) 1028 (1936)), которое иногда обсуждается в данном контексте. Ответчик (г-н Ли) обнаружил на своем участке вход в живописную пещеру. Оценив ее коммерческий потенциал, Ли стал использовать пещеру для проведения туристических экскурсий, получая от этого соответствующий доход. Бóльшая (и наиболее привлекательная) часть пещеры находилась, однако, на чужом участке. Хозяин участка предъявил к Ли иск об истребовании полученных доходов, так как тот пользовался участком без его согласия.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:18:07

го[34]. В праве Нидерландов это ограничение реализуется за счет прямого указания в посвященной генеральной кондикции норме на то, что объем истребуемого по кондикционному иску ограничивается размером убытков потерпевшей стороны (ст. 6:212 ГКН)[35]: «Тот, кто необоснованно обогащается за счет другого лица, обязан, насколько это разумно, возместить этому лицу убытки в пределах суммы, на которую он обогатился».

Таким образом, рассматриваемая сверхкомпенсационная модель взыскания прибыли *de lege lata* не укладывается не только в рамки института возмещения убытков, но и в рамки кондикционного иска по праву Нидерландов. Следовательно, перенесение ст. 6:104 ГКН (с соответствующими изменениями) из раздела возмещения убытков в раздел неосновательного обогащения не приведет к решению указанной догматической проблемы. В то же время Я. Линссен считает, что ограничение объема истребуемого по кондикционному иску размером убытков пострадавшей стороны связано с устаревшим подходом к пониманию разработанной немецкой доктриной концепции обогащения за счет другого лица (*auf dessen Kosten*)[36]. Современная интерпретация этой концепции не предполагает обязательного перемещения имущества от одной стороны к другой, а предполагает лишь наличие посягательства на субъективное право другой стороны (*Zuweisungsgehalt*)[37]. В связи с этим *de lege ferenda* Я. Линссен выступает в пользу отказа от такого ограничения, что, помимо прочего, позволит реализовать рассматриваемую сверхкомпенсационную модель взыскания прибыли в рамках института неосновательного обогащения.

Представляется, что вышеуказанная проблематика может быть актуальна также и для российского права. В частности, в российской доктрине можно встретить две противоположные точки зрения относительно возможности сверхкомпенсационного взыскания прибыли по кондикционному иску. Против этого выступает В.С. Гербутов[38]. Из компенсационной природы кондикции исходят и авторы одного из ведущих учебников по гражданскому праву под ред. Е.А. Суханова[39]. Напротив, в пользу возможности сверхкомпенсационного взыскания прибыли по кондикционному иску высказываются В.А. Белов[40], А.Г. Карапетов[41], Д.В. Новак[42], О.В. Са-

---

34 См.: *Новак Д.В.* Неосновательное обогащение в гражданском праве. М., 2010. С. 85.

35 См.: *Linssen J.G.A.* Op. cit. P. 485–486, 492–494.

36 Ibid. P. 82–83, 493–494.

37 Ibid. P. 82–83. На русском языке подробнее см.: *Гербутов В.С.* Понятие и формы обогащения в кондикционных обязательствах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 17, 118, 199.

38 См.: *Гербутов В.С.* Указ. соч. С. 166; *Он же.* Об истребовании доходов, полученных от использования чужого имущества // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 8. С. 10–14.

39 Российское гражданское право: учебник в 2 т. Т. 2: Обязательственное право / В.В. Витрянский, В.С. Ем, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М., 2011 (§ 2 (1), 3 (5) главы 57 раздела XVI; автор главы — В.С. Ем).

40 См.: *Белов В.А.* Гражданское право: Общая и Особенная части: учебник. М., 2003. С. 501–502.

41 См.: *Карапетов А.Г.* Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. М., 2007 (§ 9 главы 2 раздела VI).

42 См.: *Новак Д.В.* Указ. соч. С. 338–339.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:18:07

венкова[43]. Представляется, что данный вопрос мог бы быть разрешен, исходя из той модели кондикционного иска (романской или германской), которая положена в основу российского кондикционного иска. Однако такой способ может оказаться непригодным для разрешения данного вопроса: как отмечает Д.В. Новак, российская модель кондикционного иска является промежуточной между германской и романской[44]. Таким образом, есть основания считать, что рассматриваемая проблема не может быть окончательно разрешена средствами права неосновательного обогащения *de lege lata* и в рамках российского права.

2. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 23.01.2018 № 309-ЭС17-15659 по делу № А34-5796/2016

Вопросы исчисления убытков пострадавшей стороны на основании абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ были рассмотрены в одном из недавних решений Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ по делу ООО «Квант» против ООО «Предприятие «Сенсор». В этом деле правообладатель исключительного права на полезную модель обратился с иском о взыскании убытков к производителю контрафактной продукции, неправомерно использующему указанную полезную модель, требуя исчислить убытки (упущенную выгоду) на основании абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ в размере прибыли, полученной ответчиком от реализации контрафактной продукции. В основу расчета упущенной выгоды истцом была положена прибыль (3,5 млн руб.), полученная ответчиком от реализации контрафактной продукции по договорам, которые ответчик заключил в результате победы в конкурсе на поставку оборудования (обойдя в данном конкурсе остальных участников, в том числе истца). Суд первой инстанции иск отклонил, отметив, что в деле отсутствуют доказательства того, что истцом был бы выигран этот конкурс и по его итогам были бы заключены договоры на поставку оборудования, если бы ответчик не нарушил его права и не участвовал в конкурсе.

Суд апелляционной инстанции и Суд по интеллектуальным правам удовлетворили требования истца в полном объеме, указав, что выход контрафактной продукции ответчика на рынок влечет за собой упущенную выгоду для истца.

ВС РФ отменил акты судов нижестоящих инстанций и отправил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, отметив, что «суды не выяснили обстоятельства, связанные с проведением данных процедур, их условия, участие иных лиц и предложения, которые данные лица предлагали по спорным изделиям, и исходя из установленных обстоятельств, не определили, возникла ли у истца упущенная выгода в данном случае». По сути, выводы ВС РФ повторяют выводы суда первой инстанции и сводятся к тому, что для взыскания упущенной выгоды судам необходимо реально (достоверно) установить, мог ли истец победить в конкурсной

---

43 См.: *Савенкова О.В.* Реституционные убытки в современном гражданском праве // Актуальные проблемы гражданского права. Вып. 8. М., 2004. С. 45.

44 См.: *Новак Д.В.* Указ. соч. С. 376.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:18:07

процедуре, если бы в ней не участвовали контрафактные товары, производимые ответчиком.

Представляется, что наметившийся в данном деле подход к исчислению убытков на основании абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ, повторяет подход, который существовал в нидерландском праве на первых этапах развития ст. 6:104 ГКН и был сформулирован Верховным судом Нидерландов в деле *Waeyen-Scheers v. Naus*. Основной чертой этого подхода является то, что возможность взыскания неправомерных доходов нарушителя ставится в зависимость от того, могла ли потерпевшая сторона получить такую же прибыль, что и нарушившая сторона. Как было отмечено, подобный подход к пониманию рассматриваемого института делает его частным (специальным) случаем исчисления убытков абстрактным методом. Достоинством этого метода исчисления убытков является то, что он полностью укладывается в догматические рамки института возмещения убытков, — пострадавшая сторона получает компенсацию только в том случае, когда можно предположить, что, если бы ее право не было нарушено, она могла бы получить такую же прибыль, что и нарушитель. Как было отмечено Верховным судом Нидерландов в деле *Waeyen-Scheers v. Naus*, рассматриваемый частный случай исчисления убытков абстрактным методом не нуждается в самостоятельной (специальной) кодификации на уровне законодательства и мог бы без труда применяться судами исходя из общих положений об исчислении убытков, закрепляющих возможность их исчисления как конкретным, так и абстрактным методом.

Недостатком подобного подхода является то, что кодификация ст. 6:104 ГКН (или ее российского аналога — абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ) в качестве способа исчисления убытков не позволяет в полной мере реализовать тот политико-правовой замысел, который лежит в основе указанной нормы (истребование неправомерно полученной прибыли в полном объеме независимо от наличия и размера убытков пострадавшей стороны), ввиду ограничений, накладываемых догматическими рамками института возмещения убытков. В то же время идея о взыскании такой неправомерной прибыли базируется на крайне важной мысли о недопустимости извлечения выгоды из своего неправомерного или недобросовестного поведения, которая в настоящее время прямо закреплена в п. 4 ст. 1 ГК РФ.

Таким образом, при данном подходе рассматриваемая норма используется строго в рамках абстрактного метода исчисления убытков, а весь смысл ее законодательной кодификации сводится к тому, чтобы *ad hoc* подтвердить возможность применения этого метода. Подобное подтверждение, по сути, лишь повторяет (дублирует) общее правило о возможности исчисления убытков как конкретным, так и абстрактным методом. Представляется, что этот метод ошибочен с политико-правовой точки зрения (в силу того, что он оставляет нарушителю выгоду от нарушения прав пострадавшего и тем самым стимулирует последующие нарушения). Как показывает опыт Нидерландов, последовательное применение такого подхода на практике приводит к тому, что рассматриваемый способ исчисления убытков редко используется участниками гражданского оборота для защиты своих интересов, поскольку прибыль нарушившей стороны довольно редко является репрезентативной в отношении убытков пострадавшей стороны[45].

---

[45] См.: *Deurvorst T.E.* Op. cit. P. 57.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:18:07

Исходя из опыта нидерландского правопорядка и учитывая обозначенные выше противоречия догматического и политико-правового характера, представляется, что, помимо рассмотренного выше подхода, аналогичного тому, что применялся в деле *Waeyen-Scheers v. Naus*, возможны по крайней мере два других решения.

Первое решение сводится к тому, что суды, осознавая сложившееся противоречие между политико-правовым замыслом, стоящим за рассматриваемой нормой, и способом его реализации в позитивном праве, будут, насколько это возможно, пытаться приспособить абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ для реализации этого замысла[46]. Однако поскольку догматическая конструкция института возмещения убытков такого «сверхкомпенсационного» функционала не предполагает, то и реализация данного подхода возможна только ценой отказа от целостности этой догматической конструкции, превращая абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ в нечто среднее между возмещением убытков и «сверхкомпенсационным» взысканием неправомерно полученной прибыли. В итоге подобный компромисс в полной мере не соответствует ни догматической конструкции абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ, ни политико-правовой идее, которая была положена в ее основу. Как видно из решений Верховного суда Нидерландов в делах *Setel NV v. AVR Holding NV* и *Huurder v. Stichting Ymere*, именно такой подход в настоящее время реализован в праве Нидерландов.

Если первое решение предполагает активное судебное вмешательство, то второе решение подразумевает активное вмешательство законодателя для того, чтобы исключить абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ из раздела, посвященного взысканию убытков, и кодифицировать его (1) либо в рамках иного института гражданского права, который будет в большей степени соответствовать природе рассматриваемого явления[47], (2) либо в качестве самостоятельного средства защиты — иска об истребовании неправомерно полученных доходов. Такой подход позволит в полной мере реализовать политико-правовой замысел, лежащий в основе рассматриваемой нормы, не создавая при этом догматических противоречий, как в случае кодификации абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ в рамках института возмещения убытков, и учитывая позитивный и негативный опыт нидерландского правопорядка.

References

Asoskov A.V. Choice-of-Law Considerations in the Field of Contractual Obligations: A Doctorate Thesis in Law [*Normoobrazuyuschie factory, vliyayuschie na soderzhanie kollizionnogo regulirovaniya dogovornykh obyazatelstv: dis. … d-ra yurid. nauk*]. Moscow, 2011. 545 p.

Baibak V.V. New Wording of the Article 393 of Russian Civil Code: General Rules on Compensation for Losses Incurred by Breach of Obligation [*Novaya redaktsiya st. 393 GK RF: obschie pravila o vozmeschenii ubytkov, prichinennykh narusheniem obyazatelstva*]. Statute [*Zakon*]. 2016. No. 8. P. 121–130.

46 В рамках российского права на возможность применения такого подхода косвенно указывает сам текст абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ, согласно которому упущенная выгода потерпевшей стороны возмещается в размере не меньшем, чем доходы, полученные нарушившей стороной.

47 Как было указано ранее, представляется, что при наличии необходимых предпосылок в российском праве такая кодификация может быть реализована в рамках института неосновательного обогащения.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:18:07

Belov V.A. Civil Law: General and Specific Provisions: A Textbook [*Grazhdanskoe pravo: Obschaya i osobennaya chasti: uchebnik*]. Moscow, Tsentr YurInfoR, 2003. 960 p.

Dam O.R.M., van. Winstafgifte of schadebegroting? Nederlands Tijdschrift voor Burgerlijk Recht. 1992. No. 6. P. 184–188.

Deurvorst T.E. Winstafdracht: einde aan slapend bestaan van artikel 6:104 BW, in: Vermogensrechtelijke Analyses. 2010. No. 7. P. 57–75.

Fershtman M., Fel'dbryugge F.Y.M., eds. Dutch Civil Code. Books 2, 3, 5, 6 and 7 [*Grazhdanskiy kodeks Niderlandov. Knigi 2, 3, 5, 6 i 7*]. Leiden, Leydenskiy universitet, 2000. 191 p.

Gerbutov V.S. Disgorgement of Incomes Earned by Use of Property of Another [*Ob istrebovanii dokhodov, poluchennykh ot ispolzovaniya chuzhogo imuschestva*]. The Herald of Economic Justice of the Russian Federation [*Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*]. 2015. No. 8. P. 10–14.

Gerbutov V.S. The Concept and Forms of Enrichment in Unjust Enrichment Obligations: PhD Thesis in Law [*Ponyatie i formy obogascheniya v kondiktsionnykh obyazatelstvakh: dis. … kand. yurid. nauk*]. Moscow, 2014. 172 p.

Karapetov A.G. Economic Analysis of Law [*Ekonomicheskiy analiz prava*]. Moscow, Statut, 2016. 528 p.

Karapetov A.G. Models of Civil Rights Protection: Economic View [*Modeli zaschity grazhdanskikh prav: ekonomicheskiy vzglyad*]. The Herald of Economic Justice of the Russian Federation [*Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*]. 2014. No. 11. P. 24–80; No. 12. P. 24–73.

Karapetov A.G. Policy and Dogmatic of Civil Law: Historical Overview [*Politika i dogmatika grazhdanskogo prava: istoricheskiy ocherk*]. The Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation [*Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii*]. 2010. No. 5. P. 6–56.

Karapetov A.G. Recession of a Breached Contract in Russian and Foreign Law [*Rastorzhenie narushennogo dogovora v rossiiskom i zarubezhnom prave*]. Moscow, Statut, 2007. 876 p.

Lindenbergh S.D. Commentaar op art. 6:97 BW, in: A. Bolt (ed.). Groene Serie Schadevergoeding. Den Haag, Wolters Kluwer, 2017. P. 1–43.

Linssen J.G.A. Voordeelsafgifte en ongerechtvaardigde verrijking: (Een rechtsvergelijkende beschouwing). Den Haag, Boom Juridische Uitgevers, 2001. 884 p.

Makovskiy A.L. On Codification of Civil Law (1922–2006) [*O kodifikatsii grazhdanskogo prava (1922–2006)*] Moscow, Statut, 2010. 736 p.

Mol I.C.K. Onderverhuur, in: T.H.G. Steenmetser, J.C. Toorman (eds.) Handboek Huurrecht Bedrijfsruimte. Deventer, Uitgeverij Den Hollander, 2013. P. 1–17.

Novak D.V. Unjust Enrichment in Civil Law [*Neosnovatelnoe obogaschenie v grazhdanskom prave*]. Moscow, Statut, 416 p.

Savenkova O.V. Restitutionary Damages in Modern Civil Law [*Restitutsionnye ubytki v sovremennom grazhdanskom prave*], in: Contemporary Issues of Civil Law [*Aktualnye problemy grazhdanskogo prava*]. Iss. 8. Moscow, Norma, 2004. P. 22–46.

Sukhanov E.A., ed. Russian Civil Law: A Textbook. In 2 Vols. Vol. 2: Contractual Law [*Rossiiskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik v 2 t. T. 2: Obyazatelstvennoe pravo*]. Moscow, Statut, 2011. 1208 p.

Information about the author

Daniil Kargalskov — Legal Counsel at *Wooden Fish Agency Limited*, Master of Law (MGIMO) (e-mail: dkargalskov@gmail.com).

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:18:07